

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2023 – 2024 учебный год

Заключительный этап

Первый тур

9 класс

Выполните целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

Юрий Нагибин

(1920 – 1994)

ЖЕНЯ РУМЯНЦЕВА

Вот и кончился последний урок последнего дня нашей школьной жизни! Впереди ещё долгие и трудные экзамены, но уроков у нас больше никогда не будет. Будут лекции, семинары, коллоквиумы — всё такие взрослые слова! — будут вузовские аудитории и лаборатории, но не будет ни классов, ни парт. Десять школьных лет завершились по знакомой хрипловатой трели звонка, что возникает внизу, в недрах учительской, и, наливаясь звуком, подымается с некоторым опозданием к нам на шестой этаж, где расположены десятые классы.

Все мы, растроганные, взволнованные, радостные и о чём-то жалеющие, растерянные и смущённые своим мгновенным превращением из школяров во взрослых людей, которым даже можно жениться, слонялись по классам и коридору, словно страшась выйти из школьных стен в мир, ставший бесконечным. И было такое чувство, будто что-то не договорено, не дожито, не исчерпано за прошедшие десять лет, будто этот день застал нас врасплох.

В распахнутые окна изливалась густая небесная синь, грубыми от страсти голосами ворковали голуби на подоконниках, крепко пахло распутившимися деревьями и политым асфальтом.

В класс заглянула Женя Румянцева:

— Серёжа, можно тебя на минутку?

Я вышел в коридор. В этот необычный день и Женя показалась мне не совсем обычной. Одета она была, как всегда, несуразно: короткое, выше колен, платье, из которого она выросла ещё в прошлом году, шерстяная кофточка, не сходящаяся на груди, а под ней белая, с просинью от бесконечных стирок шёлковая блузка, тупоносые детские туфли без каблучков. Казалось, Женя носит вещи младшей сестры. Огромные пепельные волосы Жени были кое-как собраны заколками, шпильками, гребёнками вокруг маленького лица и всё-таки закрывали ей лоб и щёки, и она раздражённо отмахивала их прочь. Новым в ней был

ровный, тонкий румянец, окрасивший её лицо, да живой, близкий блеск больших серых глаз, то серьёзно-деловитых, то рассеянно-невидящих.

— Серёжа, я хотела тебе сказать: давай встретимся через десять лет.

Шутливость совсем не была свойственна Жене, и я спросил серьёзно:

— Зачем?

— Мне интересно, каким ты станешь, — Женья отбросила назойливую прядь. — Ты ведь очень нравился мне все эти годы.

Я думал, что Жене Румянцевой неведомы ни эти слова, ни эти чувства. Вся её жизнь протекала в двух сферах: в напряжённой комсомольской работе — она была нашим комсоргом — и в мечтаниях о звёздных мирах. Я никогда не слышал, чтобы в свободное от деловых забот время Женья говорила о чём-нибудь другом, кроме звёзд, планет, орбит, протуберанцев, космических полётов. Не многие из нас твёрдо определили свой дальнейший жизненный путь, а Женья с шестого класса знала, что будет астрономом и никем другим.

Между нами никогда не было дружеской близости, учились мы в параллельных классах и сталкивались лишь по комсомольской работе. Несколько лет назад меня за один проступок чуть не выгнали из пионерского отряда. Ребята встали за меня горой, и я сохранил красный галстук. Лишь одна Женья, новенькая в нашей школе, до конца настаивала на моём исключении. Это наложило отпечаток на всё моё отношение к ней. Позднее я понял, что Женина беспощадность шла от повышенной требовательности к себе и к людям, а вовсе не от злого сердца. Человек до дна прозрачный, стойкий и верный, она хотела, чтобы и все вокруг были такими. Я не был «рыцарем без страха и упрёка», и сейчас неожиданное её признание удивило и смутило меня. В поисках разгадки я мысленно пробежал прошлое, но ничего не нашел в нём, кроме одной встречи на Чистых прудах...

Однажды мы собрались в выходной день на Химкинское водохранилище — покататься на лодках. Сбор назначили на Чистых прудах, у большой беседки. Но с утра заморосил дождь, и на сборный пункт пришли только мы с Павликом Аршанским, Нина Барышева и Женья Румянцева. Нина пришла потому, что в выходной день не могла усидеть дома, я пришёл из-за Нины, Павлик — из-за меня, а почему пришла Женья, было нам непонятно.

Женья никогда не появлялась на скромных наших пирушках, не ходила с нами в кино, в парк культуры, в «Эрмитаж». Никто не подозревал Женью в ханжестве, просто у неё не хватало времени: она занималась в астрономическом кружке при МГУ и ещё что-то делала в Планетарии. Мы уважали эту Женину устремлённость и не хотели ей мешать.

И вот мы сошлись в большом сквозном павильоне, под этим гигантским деревянным зонтиком посреди бульвара. Дождь то крупно и шумно остёгивал землю, то утончался в почти невидимые и неслышные нити, но не переставал ни на минуту. Серые обложные тучи без единого просвета уходили за крыши домов. Нечего было и думать о Химках. Но Женя настойчиво уговаривала нас ехать. Впервые позволила она себе маленькое отступление от обычного строгого распорядка, и надо же, чтобы так не повезло! На пуговице плюшевой жакетки висел у нее свёрточек с бутербродами. Было что-то очень трогательное в этом свёрточке. Жене, видимо, и в голову не приходило, что можно позавтракать в закускойной, в кафе или даже в ресторане, как мы это делали во время наших походов. Из жалости к этому свёрточку я предложил:

— Давайте покатаемся на пруду. — Я показал на старую, разохшуюся плоскодонку, торчащую носом из-под свай теплушки. — И будем воображать, что мы в Химках.

— Или в Средиземном море, — вставил Павлик.

— Или в Индийском океане! — восторженно подхватила Женя. — Или у берегов Гренландии!..

— А мы не потонем? — спросила Нина. — Это было бы обидно: я приглашена на премьеру во МХАТ.

Вёсел не было, мы выбрали на берегу две дощечки, вычерпали из лодки воду и отправились в кругосветное плавание. Едва ли кому-нибудь из нас, кроме Жени, это доставляло удовольствие. Пока мы с Павликом вяло шлёпали дощечками по воде, Женя придумывала трассу нашего путешествия. Вот мы проходим Босфор, через Суэцкий канал попадаем в Красное море, оттуда в Аравийское, оплываем Большие Зондские острова, Филиппины и входим в Тихий океан.

Запоздалая ребячливость Жени была мила и трогательна, но было в ней вместе и что-то жалкое.

— Смотрите! — говорила Женя, указывая туда, где за глянцевыми от дождя ветвями деревьев уныло темнели мокрые колонны кинотеатра «Колизей». — Вон пальмы, лианы, слоны: нас отнесло к берегам Индии!..

Мы переглядывались. Как это бывает в семнадцать лет, мы защищали свою внутреннюю жизнь, ещё хрупкую, легко ранимую, бронёй нарочитой насмешливости, лёгкого цинизма, и нам непонятно было, как можно так наивно обнаруживать себя.

— Мы приближаемся к страшным Соломоновым островам! — зловецким голосом объявила Женя.

— Правильно! — подтвердил Павлик, самый добрый из нас. — А вон и туземцы-людоеды, — он указал на группу чистопрудных ребят, остановившихся прикурить у ограды водоёма.

— Пушки на борт! — скомандовала Женя. — Приготовить ядра!..

— Женя, очнись, это же колониализм! — сказал я.

— Верно! — улыбнулась Женя, обрадованная, что её выдумки нашли у нас отклик, и в простоте не замечая иронии. — Мы должны прийти к ним как добрые друзья, мы принесём им орудия труда, инструменты, лекарства...

— А вместо Библии — учебник Абрамовича и Головенченко, — добавил Павлик.

Наше скучное плавание сквозь дождь продолжалось. Женя неумоимо командовала «Право руля!», «Лево руля!», «Поднять паруса!», «Убрать паруса!», отыскивала путь по звёздам — наш компас разбился во время бури. Это дало ей возможность угостить нас лекцией по астрономии, из которой я запомнил лишь, что за экватором звёздное небо как бы перевёрнуто. Потом мы потерпели бедствие, и Женя раздала нам «последние галеты» — свои намокшие бутерброды. Мы понуро жевали их, а Женя говорила о том, как ей нравится жизнь Робинзона.

Я промок, устал, занозил руку о щепку-весло, это сделало меня безжалостным, и я сказал, что не знаю более обывательской книги, чем «Робинзон Крузо».

— Вся книга наполнена мелочной заботой о жратве, одежде и утвари. Бесконечные преysкуранты харчей и барахла. Гимн торжествующему быту!..

— А я не знаю ничего более волнующего, чем эти, как ты их назвал, преysкуранты! — говорила Женя со слезами на глазах. — И сколько в книге простора, стихий, мечты...

Наш спор прекратила Нина Барышева. Она вдруг закричала:

— Ура! Впереди берег!..

— Где? Где? — всполошилась Женя.

— Да вон, у теплушки, — будничным голосом сказала Нина. — Всё, приехали! Мальчики, я замёрзла, без чашки кофе не обойтись.

Женя оторопело поглядела на нас, щёки её порозовели.

— А что? — мужественно сказала она. — Кутить так кутить!..

Мы загнали лодку под сваи, выбрались на берег и тут сразу столкнулись со старым моим знакомцем и недругом Ляликом. За последние годы хулиганствующий подросток побывал в тюрьме и в исправительно-трудовой колонии. Он очень окреп, раздался в плечах, глядел исподлобья и строил из себя матёрого бандита. Поравнявшись с нами, Лялик одним плечом толкнул меня, другим — Павлика и грязно выругался. Сейчас, в ореоле своей уголовной славы, он знал, что ничем не рискует. Страх нам внушал не он сам, а его

репутация. Он подавлял нас мрачным величием своей судьбы, мы чувствовали себя рядом с ним жалкими чистоплюями, маменькиными сынками. Куда нам было тягаться с этим отчаянным человеком!..

— Не смей ругаться, хулиган! — крикнула Женя: она не знала, кто такой Лялик.

Лялик молча повернулся и пошёл на нас. Но Женя перехватила его на полдороге. Она нахлобучила ему на нос его старую кепку со сломанным козырьком и сильно толкнула в грудь. Лялик отлетел к огороженному проволокой газону и через проволоку кувыркнулся в траву.

И тут выяснилось, что Лялик просто мальчишка, такой же, как и мы с Павликом, и всему его зловещему виду грош цена.

— Ты чего толкаешься? — пробормотал он жалобно, пытаясь стянуть кепку, налезшую ему на глаза.

А потом мы сидели в летнем кафе под мокрым полосатым тентом, пили горячий чёрный кофе и холодное пиво. Женя выпила бокал пива, заколки и шпильки как-то разом выпали из её огромных, густых волос, она раскраснелась и стала громко обзывать себя кутилой и пропащей душой. Нам было немного стыдно за неё, мы боялись, что подавальщица не даст нам больше пива, потому что Женя никогда ещё не напоминала так девочку-переростка, как в этом кафе, со своими растрёпанными волосами, в платье, всё время задиравшемся на её круглых коленях. И ещё Женя говорила, что ей хотелось бы погибнуть в первом космическом полёте, потому что космосом нельзя овладеть без жертв и лучше погибнуть ей, чем другим, более достойным.

Мы знали, что она говорит искренне, не подозревая о своем душевном превосходстве, и это унижало нас. Мы не были такими даже под воздействием пива, нам нужен был хоть какой-то шанс уцелеть...

Больше Женя не бывала с нами. Мы не раз приглашали её на наши сборища, но она отказывалась за недосугом. Может, у неё и действительно не хватало времени, ей столько нужно было успеть! А что, если в тот единственный раз она пришла из-за меня и из-за меня отступилась, сказав себе с гордой честностью: «Не вышло»...

— Почему же ты раньше молчала, Женя? — спросил я.

— К чему было говорить? Тебе так нравилась Нина!

С ощущением какой-то досадной и грустной утраты я сказал:

— Где же и когда мы встретимся?

— Через десять лет, двадцать девятого мая, в восемь часов вечера, в среднем пролёте между колонн Большого театра.

— А если там нечётное число колонн?

— Там восемь колонн, Серёжа... К тому времени я буду знаменитым астрономом, — добавила она важно, мечтательно и убеждённо. — Если я очень изменюсь, ты узнаешь меня по портретам.

— Что же, к тому времени и я буду знаменитым, — сказал я и осёкся: я совсем не представлял себе, в какой области суждено мне прославиться, и ещё не решил даже, на какой факультет подавать документы. — Во всяком случае, я приеду на собственной машине...

Это было глупо, но я не нашёлся что сказать.

— Вот и хорошо, — засмеялась Женя, — ты покатаешь меня по городу...

Минули годы. Женя училась в Ленинграде, я ничего не слышал о ней. Зимой 1941 года, жадно ловя известия о судьбе моих друзей, я узнал, что Женя в первый же день войны бросила институт и пошла в лётную школу. Летом 1944 года, находясь в госпитале, я услышал по радио указ о присвоении майору авиации Румянцевой звания Героя Советского Союза. Когда я вернулся с войны, то узнал, что звание Героя было присвоено Жене посмертно.

Жизнь шла дальше, порой я вдруг вспоминал о нашем уговоре, а за несколько дней до срока почувствовал такое острое, щемящее беспокойство, будто все прошедшие годы только и готовился к этой встрече.

Я не стал знаменитым, как обещал Жене, но в одном не обманул её: у меня был старенький «оппель», купленный за бесценок на свалке трофейных машин. Я надел новый костюм, оседлал своего бензинового конька и поехал к Большому театру. Если бы я встретил там Женю, я бы сказал ей, что после всех шатаний нашёл всё же свой путь: у меня вышла книга рассказов, сейчас я пишу другую. Это не те книги, которые мне хотелось бы написать, но я верю, что ещё напишу их.

Я поставил машину возле сквера, купил у цветочницы ландыши и пошёл к среднему пролёту между колонн Большого театра. Их в самом деле было восемь. Я постоял там немного, затем отдал ландыши худенькой сероглазой девушке в спортивных тапочках и поехал домой...

Мне хотелось на миг остановить время, оглянуться на себя, на прожитые годы, вспомнить девочку в коротком платье и узкой кофточке, тяжёлую, неповоротливую плоскодонку, дождик, усеявший желтоватую поверхность пруда колючими отростками, взволнованный крик: «Нас отнесло к Индии!», вспомнить слепоту своей юношеской души, так легко прошедшей мимо того, что могло бы стать судьбой.

1961

Григорий Князев

(род. в 1990 г.)

В эту тишь глухонемую,
Что сродни безмолвной рыбе,
В ледяной глуши зимую
У Вселенной на отшибе.
В комнате моей так тихо,
Что закладывает уши,
И дрожит душа-трусиха,
Будто есть смелее души!
Лишь с тяжёлых книжных полок
Говорят Толстой и Чехов,
Лишь вдали ночной посёлок
Отдаётся тихим эхом,
Лишь загадочные лица
Там, под стёртой амальгамой...
Страшно с тишиною слиться,
Невесомой и упрямой,
Стать зимы безликой частью.
Вдруг лишившись дара речи,
Ты проглочен жадной пастью
Ночи, что чернее печи.
Где ж цивилизаций гомон?
Что ни звук — так плотен-слитен!
Мир, что в городах разломан,
На природе монолитен.
Как же страшно, как же мощно!
Всё сильнее во мне тревога.
Если попытаться, можно
Уловить и шёпот Бога...

2023

Примечания:

Амальгама – сплав какого-либо металла (чаще всего серебра) с ртутью.
Используется в изготовлении зеркал.

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2023 – 2024 учебный год
Заключительный этап
Второй тур
9 класс**

Задание №1

В поэтических зеркалах

Представьте, что один из просветительских каналов на YouTube готовит программу о мифологии и литературе. Вам поручено написать текст для выпуска, посвящённого Одиссею и его изображению в русской поэзии XX века (стихотворения для работы приведены ниже). В научно-популярном очерке нужно показать, какие грани образа Одиссея выделены каждым поэтом, как представлена «фоновая» информация (об окружении героя – его друзьях и врагах, о пространстве, которое он преодолевает, и т.п.), как мотивированы поступки и решения героя. Какие черты Одиссея остаются инвариантными, неизменными, а какие вариативны, индивидуальны у каждого автора? Придумайте для своего очерка соответствующее его содержанию заглавие.

Примерный объём текста – 280-300 слов.

И. Ф. Жданов

И поезд вдоль ночи вагонную осень ведёт
и мерно шумит на родном языке океана.
Предчувствием снега блуждает огней
хоровод,
как бред шестерёнок внутри механизма
тумана.

И, уши закрыв, наклонившись,
сидит Одиссей,
читая кручину, один в полутёмном вагоне.
И пенье сирен надвигается тяжестью всей,
и меркнет, и реет, и слух обжигает ладони.

И ту же кручину читая с другого конца,
за окнами ветер проносит обрывки
пейзажа,
и вьётся, и рвётся, и чертит изгибы лица,
и кружится холод, и небо чернеет, как
сажа.

И гнётся под ветром холодный рассудок
часов,
зубцами срываясь и гранями в нём
цепеняя.
Все ближе и ближе неведомый хор
голосов.
Все дальше и дальше относит
лицо Одиссея.

О, дом Одиссея, в пути обретающий всё,
ты так одинок, что уже ничего не теряешь.
Дорогу назад не запомнит твоё колесо,
а ты снегопад часовому рассудку
вверяешь.

1978-1991

И. В. Елагин

Где-то вверху, за холмы уходя,
Гром грохотал тяжело.
Шлёпают крупные капли дождя
О ветровое стекло.

Может быть, так же, сквозь
дождь, Одиссей
В море смотрел с корабля.
Кинулась сразу махиною всей
Мне под колёса земля.

Крупные капли дождя тяжелы,
Наискось бьют по стеклу.
Сосен стволы выплывают из мглы
И уплывают во мглу.

День, поскорее приди и рассей
Этот ненастный покров.
Может быть, так же кружил Одиссей
Возле чужих островов.

Верно, казалось, что рядом встают
Стены Итаки во тьме.
Моря ночного чудовищный спрут
Ёрзал уже по корме.

С шумом и там подымались и тут
Щупальцы смерти самой.
Но хорошо, что хоть в песнях поют,
Что он вернулся домой.

1982-1986

Б.А. Слуцкий

Одиссей

Хитрый лис был Улисс.
Одиссей был мудрей одессита.
Плавал, чёрт подери его,
весело, пьяно и сыто.

А его Пенелопа,
его огорчить не желая,
всё ждала и ждала его,
жалкая и пожилая.

А когда устарел
и физически он и морально
и весь мир осмотрел —
вдруг заныло, как старая рана,
то ли чувство семьи,
то ли чувство норы,
то ли злая
мысль,
что ждёт Пенелопа —
и жалкая и пожилая.

Вдруг заныла зануда.
В душе защемила заноза.
На мораль потянуло
с морального, что ли, износа!
Я видал этот остров,
настолько облезлый от солнца,
что не выдержит отрок.
Но старец, пожалуй, вернётся.

Он вернулся туда,
где родился и где воспитался.
Только память — беда!
И не вспомнил он, как ни пытался,
той, что так зажилась,
безответной любовью пылая,
и его дождалась,
только жалкая
и пожилая.

1974

Г. М. Дашевский Одиссей и сирены <i>Памяти Н. А. Куна</i> По путям воздушным, белым прогремев, сирены пенье проникает твёрдым мелом в душу в узах слуха, зренья. Мне невыносима жёсткость голосов, кроящих душу, я хочу сухого воска – мягче пустоты и суше, чем слепые тротуары, не разбуженные тенью от мельканья мелких, карих, воробьиных глаз сирены, чтобы не крошился с краю свет чужим и белым слоем и свобода восковая засияла тишиною. 1984	И. А. Бродский Одиссей Телемаку Мой Телемак, Троянская война окончена. Кто победил — не помню. Должно быть, греки: столько мертвецов вне дома бросить могут только греки... И всё-таки ведущая домой дорога оказалась слишком длинной, как будто Посейдон, пока мы там теряли время, растянул пространство. Мне неизвестно, где я нахожусь, что предо мной. Какой-то грязный остров, кусты, постройки, хрюканье свиней, заросший сад, какая-то царица, трава да камни... Милый Телемак, все острова похожи друг на друга, когда так долго странствуешь, и мозг уже сбивается, считая волны, глаз, засорённый горизонтом, плачет, и водяное мясо застит слух. Не помню я, чем кончилась война, и сколько лет тебе сейчас, не помню. Расти большой, мой Телемак, расти. Лишь боги знают, свидимся ли снова. Ты и сейчас уже не тот младенец, перед которым я сдержал быков. Когда б не Паламед, мы жили вместе. Но может быть и прав он: без меня ты от страстей Эдиповых избавлен, и сны твои, мой Телемак, безгрешны. 1972

Задание №2

Рисунки на полях

Посмотрите два фрагмента мультфильма Андрея Хржановского «Осень» (1982), основу которого составили рисунки, письма и стихотворения А.С. Пушкина. Обратите внимание на то, какие отрывки из произведений и писем А.С. Пушкина отобраны для фильма и каким режиссерским задачам они отвечают, как из рисунков складывается

движущееся изображение, как в нём визуальный ряд соотнесён со словесным текстом, какие ключевые приёмы создания анимационного кино использует режиссёр.

Рассмотрите рисунки из рукописей М.Ю. Лермонтова. Подумайте, как вы могли бы использовать их для создания анимационного фильма о писателе и о его творчестве. Придумайте для него название. Опишите фрагмент фильма, в котором могли бы быть использованы какие-то из этих рисунков. В какой последовательности они будут расположены? Как бы вы сделали переходы от одного рисунка к другому? Какой текст будет сопровождать анимационный ряд (указывайте номер рисунка и вписывайте закадровый текст и/или цитаты из произведений)? Какие особенности поэтики писателя, факты его биографии, черты эпохи вам важно представить в описываемом эпизоде?

Примерный объём текста – 250-280 слов.

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

Рисунок 4

Рисунок 5

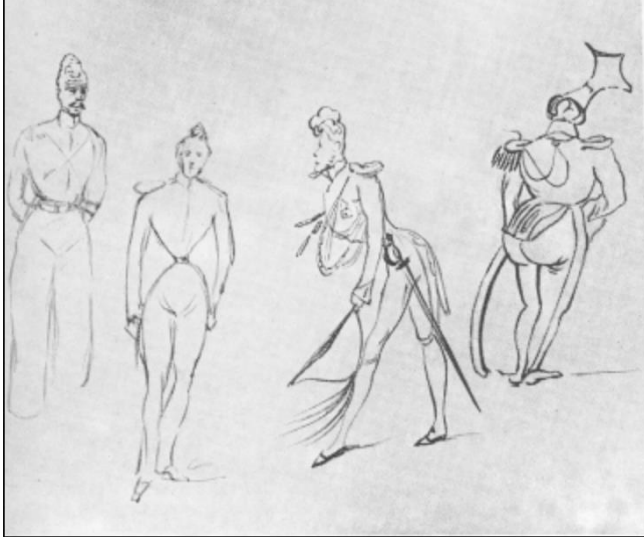
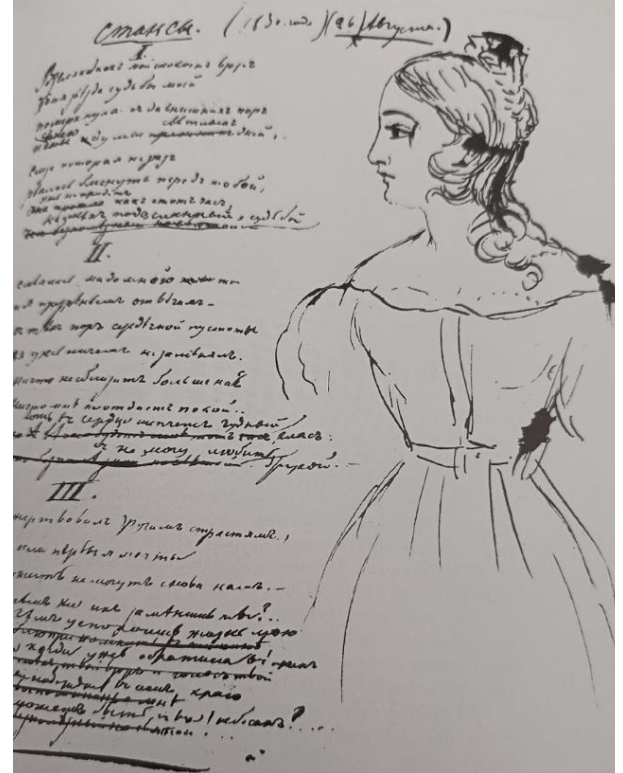

Рисунок 6

Рисунок 7

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2023 – 2024 учебный год

Заключительный этап

Третий (устный) тур

9 класс

Приведенные ниже изображения (это не иллюстрации!) по смыслу и содержанию связаны с конкретным литературным произведением: они указывают на особенности его сюжета, композиции, образного строя – иными словами, на значимые аспекты семантики и структуры. Определите, какое литературное произведение «загадано» этими рисунками, и расскажите, как каждый из них соотносён с его поэтикой и содержанием.

Будьте готовы к вопросам членов жюри. Время выступления – не более 3 минут, ответы на вопросы – 2 минуты.

Примечание: не считается выступлением зачитывание текста «по бумажке».

Рис.1

Голос

Ф-п.

Andante (♩ = 66)

ни

сна, ни от - ды - ха из - му - чен - ной ду - ше, мне ночь не шлет от -

Рис.2

Рис.3

Рис.4

При оценивании выступления будут учитываться:

1. Содержательность, глубина, аргументированность, убедительность рассуждения.
2. Обоснованное привлечение литературного и историко-культурного контекста, отсутствие фактических ошибок.
3. Логичность, последовательность, стройность устного высказывания, образность и грамотность речи.
4. Развёрнутые ответы на вопросы членов жюри в виде аргументированных суждений, логическим образом связанных с вопросами.

Максимальное количество баллов – 15.